

В. В. ВИНОГРАДОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
О СЛОВЕ

учпвдгиз 1947

Φ 6-2/6

俄

語

1954年12月

¥ 49,000

國內影印版
國際書店發行

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Проф. В. В. ВИНОГРАДОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК

(ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ)

*Утверждено Министерством
высшего образования СССР
в качестве учебного пособия
для высших учебных заведений*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА ★ 1947 ★ ЛЕНИНГРАД

Постановлением Совета Московского
ордена Ленина государственного
университета от 7 мая 1945 года
работа удостоена первой премии
имени Ломоносова 1945 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе книги «Русский язык» (Грамматическое учение о слове) лежат два выпуска моего предшествовавшего исследования «Современный русский язык» (1938, вып. I и II). Но многие главы (не менее $\frac{1}{3}$) написаны заново, другие подверглись коренной переработке. Новые точки зрения и новый материал должны подкрепить и углубить ту грамматическую систему, которая в общих чертах уже наметилась в «Современном русском языке». Почти параллельно с книгой «Русский язык» я работал над «Исторической лексикологией русского языка». Эта работа не могла не отразиться и на изложении грамматического учения о слове.

Книга «Русский язык», содержащая грамматическое учение о слове, не является учебником, но она может быть пособием для учащихся филологических вузов, особенно для студентов, испытывающих тяготение к наблюдениям и размышлениям над живыми фактами русского языка, а также для аспирантов и преподавателей. Я поставил себе задачей — не только изложить свою систему грамматического учения, но и показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики. Следующей книгой будет «Синтаксис русского языка». Те, кого не удовлетворит мое освещение разных грамматических вопросов, в своих разысканиях могут опереться на лингвистический опыт прошлого, нашедший достаточное отражение в моей книге.

В области грамматики современного русского языка особенно ощущается недостаток монографического исследования отдельных вопросов. К сожалению, в последнее время нередко появляются общие рассуждения на грамматические темы вместо тщательного подбора материала и его обдуманной грамматической характеристики. Я был бы счастлив, если бы моя книга побудила наших молодых лингвистов к углубленным разысканиям и исследованиям в области грамматики русского языка.

Проф. В. Виноградов

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

§ 1. Основные причины разногласий в области современной грамматики

Акад. А. И. Соболевский часто цитировал слова Готфрида Германа: «*Duae res longe sunt difficillimae — lexicon scribere et grammaticam*» («Два дела особенно трудны — это писать словарь и грамматику»)¹. И действительно, составление грамматики любого языка сопряжено с величайшими трудностями — теоретическими и практическими. Объём и задачи грамматики не очерчены с достаточной ясностью. Приёмы грамматического исследования у разных лингвистов очень разнородны. Так, в грамматике современного русского языка разногласий и противоречий больше, чем во всякой другой науке. Почему так? Можно указать две общие причины. Одна — чисто практическая. Грамматический строй русского языка плохо изучен. Освещение многих грамматических вопросов основывается на случайном материале. Важнейшие стороны грамматической системы русского языка, например: относительное употребление глагольных времен, виды русского глагола, категория залога, значения предлогов, функции союзов, типы синтагм, способы их сочетания и распространения, модальные типы предложений, приёмы сцепления предложений, проблемы сочинения и подчинения в строе предложений — остаются недостаточно обследованными. Фактический языковой материал, на который опираются русские грамматики самых различных направлений, беден и однообразен. Многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием, не находят применения в современных грамматических учениях. Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже использовать лингвистическое наследство и шире привлекать свежие факты живого языка. Другая причина блужданий современной грамматики — в отсутствии прочных теоретических основ, в отсутствии определения или точного описания основных грамматических понятий, особенно понятий слова и предложения. Сила учения Потебни в значительной степени зависела от того, что Потебня в своих грамматических построениях опирался на глубокое понимание основных грамматических категорий — категорий слова и предложения. Если эти центральные понятия сбивчивы, грамматика превращается

в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке. Акад. А. А. Шахматов, приступив к работе над синтаксисом русского языка; прежде всего подверг лингвистическому анализу само понятие предложения*.

Таким образом, исследователь грамматики современного русского языка обязан раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые он кладет в основу своего построения.

§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи

Термин **г р а м м а т и к а** — даже в лингвистической литературе — употребляется в двух значениях: и как учение о строе языка, и как синоним выражения «строй языка».

Под грамматикой обычно понимают систему языковых норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, словосочетаний, синтагм и предложений, и самый отдел лингвистики, исследующий эту систему. В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм; 2) учение о словосочетании, о его формах и его типах; 3) учение о предложении и его типах, о компонентах (составных частях) предложений, о приемах спеления предложений, о сложном синтаксическом целом (о фразе). Учение о грамматической структуре слов, о формах слов, об образовании слов и форм слов обычно называется **м о р ф о л о г и е й** и отделяется от **с и н т а к с и с а** как учения о словосочетании и предложении.

«Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни — в составе речи», — так формулировал эту точку зрения проф. В. А. Богородицкий². Против такого деления грамматики есть серьезные возражения, так как границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределимы. Часть грамматических явлений, относимых к морфологии, легко находит себе место в синтаксисе и лексикологии. Синтаксис не может обойтись без учения о слове как о составной части предложения. «Всякое изменение слова по заданию предложения попятно лишь на его общем фоне и не может рассматриваться отдельно от него»³.

Другая часть морфологии, исследующая и излагающая методы образования слов, может войти в лексикологию, т. е. в учение о слове, о закономерностях изменений лексической системы языка. Таким образом, положение морфологии как науки о строении и образовании слов и форм слов оказывается непрочным. Ф. де-Соссюр

* Ср. то же тяготение к пересмотру и более дифференцированному определению основных грамматических категорий в работе акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи», 1945.

писал: «Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только их форму... Но это различие — обманчиво.... формы и функции образуют целое, и затруднительно, чтобы не сказать невозможно, их разъединить. С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины»⁴. Мысль о том, что морфологию следует свести к синтаксису, стала общим местом некоторых направлений лингвистики. Так, например, С. Д. Кацнельсон заявляет: «Иллюзия независимости и автономности формы слова привела к отрыву морфологии от синтаксиса. Поддаваясь иллюзии, наука долго рассматривала слово как исходный пункт грамматического анализа. Между тем, форма слова есть лишь частный случай формы словосочетания, проявляющейся здесь лишь в более сложном и искаженном виде. Форма слова подлежит поэтому сведению к формам словосочетания, так же как морфология в целом подлежит сведению к синтаксису»⁵.

На этой же почве возникает противопоставление синтаксиса лексикологии. С этой точки зрения происходит пересмотр отношений между синтаксисом и лексикологией. Некоторые лингвисты склонны и синтаксис и лексикологию считать частями грамматики. Акад. И. И. Мещанинов пишет: «Учение о слове, выделяемое в особый отдел (лексикология), не может быть изъято из грамматического очерка. Нельзя учение о формальной стороне слова с его значимыми частями (морфемами) отделять от учения о значимости самого слова... Изъятие лексикологии из грамматического очерка вредно отражается и на историческом понимании языковых категорий». Поэтому И. И. Мещанинов предлагает делить грамматику (за вычетом фонетики) на лексику (учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка) и синтаксис (учение о слове в предложении и о предложении в целом)⁶. Сама по себе мысль о тесной связи грамматики и словаря не нова.

Акад. Л. В. Щерба так проводил пограничную черту между описательной грамматикой и словарем: «В описательной «грамматике» должны изучаться лишь более или менее живые способы образования форм слов и их сочетаний; остальное — дело словаря, который должен содержать между прочим и список морфем»⁷. Однако эта схема слишком прямолинейна. Она не затрагивает общего вопроса о скрещении и взаимодействии грамматики и лексики, а только очерчивает автономные области той и другой.

Шире эта проблема освещена в «Курсе общей лингвистики» де-Соссюра. Де-Соссюр указывал на взаимопроникновение грамматических и лексических форм и значений в живой системе языка. «Логично ли исключить лексикологию из грамматики? На первый взгляд может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, которое обычно сосредоточивается на отношениях между словами. Но множество

этих отношений может быть выражено с таким же успехом словами, как и грамматическими средствами» (стр. 130).

С точки зрения функции лексический факт может сливаться с фактом грамматическим. Так, различие видов (совершенного и несовершенного) в русском языке выражено грамматически в случае *спросить* — *спрашивать* и лексикологически в случае *сказать* — *говорить* (ср. *брать* — *взять*; *ловить* — *поймать*). «Множество отношений, обозначаемых в одних языках падежами или предлогами (или производными прилагательными), выражается в других языках сложными словами (франц. *goûaime des sieux*, церк.-слав. *царство небесное*, нем. *Himmelsreich*), или производными (франц. *moulin à vent*, русск. *ветряная мельница*, польск. *wiatr-ak*), или, наконец, простыми словами (франц. *bois de chauffage* и русск. *дрова*, франц. *bois de construction* и русск. *лес*)» (там же, стр. 130).

«Всякое слово, не являющееся простой и неразложимой единицей, ничем существенным не отличается от члена фразы, т. е. факта синтаксического: распорядок составляющих его единиц низшего порядка подчиняется тем же основным принципам, как и образование словосочетаний» (стр. 131). «Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется по существу тождественным характером всех синхронических фактов» (стр. 131). Однако лексика не покрывается целиком грамматикой.

Лексика и грамматика — «как бы два полюса, между которыми развивается вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексикологического инструмента — немотивированного знака, с другой стороны — предпочтение, оказываемое грамматическому инструменту — правилу конструкции»⁸.

Еще решительнее зависимость грамматики от словаря утверждали Г. Шухардт и Н. Я. Марр. Акад. Марр писал: «Морфология ... включает в себя не только так называемые грамматические категории, но также и словарь ...». «Законы семантики затрагивают ближе всего сущность морфологии, потому что было бы недостаточно сказать, что в морфологии лишь отражается состояние общественной организации, — само состояние образования этой организации и ее общественных идей отлагается в морфологии»⁹. Г. Шухардт высказывался в том же духе, заявляя, что суть грамматики состоит в учении о значении и что словарь является лишь алфавитным индексом к грамматике¹⁰.

И все же безраздельное включение лексикологии в грамматику представляется недостаточно мотивированным. У лексикологии как учения о составе и системе словаря, о закономерностях исторических изменений систем лексики и их внутренних взаимоотношениях с условиями быта, производства, с формами материальной культуры и социальных мировоззрений — остается свой материал, свой метод и свой объект исследования. «Словарь овеществляет данную в языке и мышлении тенденцию к сознательному охвату отдельных предметов, свойств, явлений, процессов; грамматика же вырастает

на основе тех общих связей, которые объединяют предметы, явления и т. д. ... Вот почему такие конкретные значения, как *дом* или *дерево* и т. п., не могут по самой природе своей быть представлены в грамматике, а, с другой стороны, общие категории вроде *бытия* или *сущности* находят отражение в словаре исторически позже, чем в грамматике, на ступени, когда научная мысль открывает эти категории как отдельные конкретные моменты универсальной связи вещей и явлений в природе»¹¹. Однако в реальной истории языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постоянно влияют друг на друга. Поэтому изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений — невозможно.

Если признать права лексикологии на самостоятельность — за пределами грамматики, то область грамматики становится областью почти безраздельного господства синтаксиса. Но и в самом синтаксисе центральная его часть — учение об основных синтаксических категориях, об основных синтаксических единицах (о словосочетании, о предложении, о сложном синтаксическом целом, о синтагме как компоненте этого сложного целого), об основных синтаксических отношениях (об отношениях модальности, об отношениях между членами предложения и об отношениях между предложениями) — будет окружена со всех сторон побочными, вводными темами, задачами и проблемами, которые не связаны непосредственно с изучением словосочетания и предложения. Эти вопросы группируются вокруг своих центров — учения о слове и его формах, учения о морфологических элементах и категориях, управляющих их связью и т. п. Понятно, что и тут нередко вскрывается синтаксическая сущность морфологических категорий, но здесь выступают и другие формы и отношения, в которых сказывается синкретическая природа языка и которые лишь с большой натяжкой могут быть удержаны в системе синтаксиса.

В связи с этим само понятие синтаксиса становится расплывчатым, неопределенным.

Представляется более целесообразным при изложении грамматики современного русского языка исследовать и группировать грамматические факты, исходя из грамматического изучения основных понятий и категорий языка, определяющих связи элементов и их функции в строе языка. А такими центральными понятиями являются понятия слова и предложения. Они соответствуют «основным единицам языка»¹². Эти единицы исторически изменчивы и во всякой живой языковой системе соотносительны и дифференциальны. Словосочетание как единица языка обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово и предложение. Кроме того, понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения. Целые разряды словосочетаний, ставших устойчивыми фразеологическими единицами, структурно сближаются с словами (ср. *вверх дном*, *спустя рукава*, *бить баклуши* и т. п.). Напротив, в свободных

фразах основным конструктивным элементом оказывается то же слово с его разнообразными грамматическими формами и лексическими значениями. Словосочетание — это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм. В области лексики этому понятию соответствует понятие о фразеологической единице языка.

Ф. де-Соссюр заметил: «На первый взгляд кажется подходящим уподобить огромное разнообразие фраз не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-нибудь зоологический вид; но это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существеннее, нежели разъединяющие их различия; напротив того, в фразах преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то натолкнешься, не желая этого, опять же на слово с его грамматическими свойствами»¹³. Однако это не значит, что теория словосочетания не может быть особым разделом грамматики. Типы словосочетаний, формы и правила их построения — необходимая часть грамматического учения. Но эта часть ближе к грамматическому учению о слове, чем к учению о предложении¹⁴. Таким образом, наиболее рациональным делением грамматики (если не включать в нее фонетику) было бы деление ее на: 1) грамматическое учение о слове, 2) учение о словосочетании, 3) учение о предложении, 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как его составных частях.

Впрочем, третий и четвертый разделы грамматики большинством лингвистов объединяются, хотя такое объединение чаще всего приводит к двусмысленности или неопределенности таких понятий, как «предложение», «фраза», «синтагма».

Понятно, что каждый из этих основных объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций. «Материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которою она облечена»¹⁵.

§ 3. Смысловая структура слова

Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова и содержание категории слова исторически менялись. Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще останется много неясного. «До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными», — заявлял Ф. де-Соссюр, касаясь вопроса о слове¹⁶. Лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или

внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова. При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются «слова фонетические», «слова грамматические», «слова лексические».

Фонетические границы слова, отмечаемые в разных языках особыми фонологическими сигналами (например, в русском языке — силовым ударением и связанными с ними явлениями произношения, оглушением конечных звонких согласных и отсутствием регрессивной ассимиляции по мягкости на конце), бывают в некоторых языках (например, в немецком) не так резко очерчены, как границы между морфемами (т. е. значимыми частями слов — корневыми или грамматическими элементами речи)¹⁷. С другой стороны, фонетическая грань между словом и фразой, т. е. тесной группой слов, во многих случаях также представляется неустойчивой, подвижной. Например, во французском языке «слова фонетически ничем не выделяются»¹⁸, а в звуковом потоке обособляются «группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое», так называемые «динамические, или ритмические группы».

Если рассматривать структуру слова с грамматической точки зрения, то целостность и единство слова также оказываются в значительной степени иллюзорными.

А. Нореен определял слово так: это «независимая морфема (un morphème indépendant), которую наше языковое чутье воспринимает как целое по звуку и значению, так что она или ощущается неразложимой на более мелкие морфемы (например, *здесь*, *почти*, *там*), или — в случае, если это можно сделать, — она воспринимается независимо от значения этих более мелких, составляющих ее морфем». В этом последнем случае, при понимании и употреблении слова, по мнению Нореина, не думают или не хотят думать о значении его составных частей¹⁹. Но и это определение чересчур шатко. В высказывании *надо было приоткрыть сундук, а не открывать его совсем* приставка *при-* очень заметно выступает как значимая единица речи. Кроме того, под определение Нореина решительно не подходят служебные слова, но легко подводятся целые словосочетания. Проще всего в грамматической плоскости рассматривать слово как предельный минимум предложения (Sweet, Sapir, Щерба). «Слово есть один из мельчайших вполне самодовлеющих кусочков изолированного «смысла», к которому сводится предложение», — формулирует Сепир²⁰. Однако не все типы слов с одинаковым удобством укладываются в эту формулу. Ведь «есть очень много слов, которые являются только морфемами, и морфем, которые иногда еще являются словами»²¹. Слово может выражать и единичное понятие, конкретное, абстрактное, и общую идею отношения (как, например, предлоги *от* или *об* или союз *и*), и законченную мысль (например, афоризм Кузмы Прутков: «Бди!»). Правда, глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно

более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны ²² (однако ср., например, *лизоблюб* и *блюдолиз*, *скалозуб* и *зубоскал* или *любомудр* и *мудролюб*; но *щелкопер* и *перощелк* — величины разнородные). Способность слова передвигаться и менять места внутри предложения различна в разных языках. Следовательно, и этот критерий самостоятельности и обособленности слова зыбок, текуч. В таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другие слова или словосочетания внутрь одного и того же слова. Но все эти признаки имеют разную ценность в применении к разным категориям слов. Например, *никто*, но: *ни к кому*; *некому*, но: *не у кого*; *потому что*, но: *я потому не писал, что твой адрес потерял* и т. п. (ср. *есть где*, но: *негде*; *нездоровится*, но: *не очень здоровится* при отсутствии слова *здоровится* и т. п.).

Такие модальные («вводные») слова и частицы, как *знатъ* (*Ай, моська, знатъ, она сильна, что лает на слона*), *дескать*, *мол* и т. п., вовсе неспособны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения. В этом отношении даже союзы и предлоги счастливее. Например, у Тургенева в повести «Бреттер»:

«— Лучков неловок и груб—с трудом выговорил Кистер: — но ...

— Что: *но*? Как вам не стыдно говорить: *но*. Он груб *и* неловок, *и* зол, *и* самолюбив... Слышите: *и*, а не *но*».

Или у того же Тургенева в «Фаусте»:

«Вы говорите, — сказала она наконец: — читать поэтические произведения *и* полезно, *и* приятно... Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: *или* полезное, *или* приятное, и так уже решиться раз навсегда. И я когда-то хотела соединить и то и другое... Это невозможно и ведет к гибели или к пошлости».

Таким образом, и с грамматической (а также лексико-семантической) точки зрения обнаруживается разнообразие типов слов и отсутствие общих устойчивых признаков в них. Не все слова способны быть названиями, не все являются членами предложения*.

Даже формы соотношений и отношений между категориями слова и предложения в данной языковой системе очень разнообразны. Они

* Emile Setälä в статье «Le mot» также указывает на то, что удовлетворительного определения слова нет. Пожалуй, большая часть таких определений исходит из ложного убеждения, будто слово — это языковое выражение отдельного понятия (l'expression linguistique d'une notion particulière). Но в этих определениях смешиваются языковые и логические категории. Ведь с этой точки зрения словом будет не только «треугольник», но и «фигура, ограниченная тремя взаимно пересекающимися прямыми, образующими три шпигренных угла». Сказать же, что «слово — звук или звуковой комплекс, выражающий значение», было бы слишком мало. Точно так же бесплодны и малосодержательны все фонетические определения слова как «группы фонем, объединенных вокруг одного главного ударения». По мнению Э. Сетälä, ближе к реальной природе слова объяснения слова как морфологического единства, как самой маленькой независимой части (les plus petites parties indépendantes du langage), как предельного минимума предложения, хотя этом сказано еще очень мало (Journal de Société finno-ougrienne, XLIII, 1932, pp. 21—22).

зависят от присущих языку методов образования слов и методов связывания слов в более крупные единства. «Чем синтетичнее язык, иначе говоря, чем явственнее роль каждого слова в предложении указывается его собственными ресурсами, тем меньше надобности обращаться, минуя слово, к предложению в целом»²³. Но, с другой стороны, в структуре самого слова смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг к другу в строго определенной последовательности. А это значит, что слово, состоящее не из одного корневого элемента, а из нескольких морфем, «есть кристаллизация предложения или какого-то отрывка предложения».

На фоне этих противоречий возникает мысль, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи. Оно есть «нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от «духа» данного языка»²⁴. Удобство этой формулы состоит в том, что она широка и расплывчата. Под нее подойдут самые далекие грамматические и семантические типы слов: и слова-названия, и формальные, связочные слова, и междометия, и модальные слова. Ей не противоречит и употребление морфем в качестве слов. Например, у Белинского: «Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других «манов».

В русском переводе (Н. А. Шишмаревой) романа Ч. Диккенса «Наш общий друг»: «Насколько ему известно, он вовсе не расположен к централизации да и вообще к какой бы то ни было изации» (ч. I., 1896, стр. 39). Ср. у В. И. Ленина: «мерещится пугало... бакунизма, ткачевизма и прочих странных измов».

Однако формула Сепира удобна, но малосодержательна. Она не уясняет ни предметно-смыслового содержания слова, ни способов выражения и кристаллизаций этого содержания в слове. Она лишь направляет и обязывает к уяснению всех элементов смысловой структуры слова. Очевидно, что, при всем многообразии грамматико-семантических типов слов, в их конструктивных элементах много общего. Различны лишь сложность и соотношение разных смысловых оболочек в структуре слов, а также функциональное содержание и связанное с ним грамматическое оформление разных видов слов. Недаром Ф. де-Соссюр писал: «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка»²⁵.

Не надо лишь придавать преувеличенное значение формальным противоречиям и переходным типам, а следует глубже вникнуть во все элементы смысловой структуры слова. Именно по этому пути шли такие замечательные лингвисты, как В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Р. Я. Марр, Л. В. Щерба.

При описании смысловой структуры слова рельефнее выступают различия между основными семантическими типами слов и шире

уясняется роль грамматических факторов в разных категориях слов. Пониманию строя слова нередко мешает многозначность термина «значение». Опасности, связанные с недифференцированным употреблением этого понятия, дают себя знать в таком поверхностном и ошибочном, но идущим исстари и очень распространенном определении слова: «Словами являются звуки речи в их значениях» (иначе: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово») ²⁶. Если бы структура слова была только двухсторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления, для всякого нового оттенка в мыслях и чувствованиях должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова.

В действительности же дело обстоит не так. «Великим заблуждением, — говорит Ф. де-Соссюр, — является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определить его так — значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов» ²⁷. Но в языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены. На это указывал еще В. Гумбольдт. Правда, «лишь в редких случаях, — говорил В. Гумбольдт, — можно распознать определенную связь звуков языка с его духом. Однако даже в наречиях (того же языка) незначительные изменения гласных, мало изменяющие язык в целом, по праву могут быть относимы к состоянию духа народа (*Gemüthsbeschaffenheit*)» ²⁸. По мнению В. Гумбольдта, связь звуковой формы с внутренними языковыми законами достигает высшего предела в проникновении их друг другом ²⁹.

Однако только в относительно редких случаях звукоподражаний, звуковых метафор и своеобразных звуковых жестов естественная связь звука и значения очевидна непосредственно ³⁰. Но опосредствованная внутренними отношениями языка как системы разнообразных смысловых элементов, она может быть открыта по разным направлениям. Само понятие фонемы и фонологической системы языка основано на признании громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка вообще и слова в частности. В этом отношении даже эксперименты футуристов не лишены принципиального значения. Ведь В. Хлебников искал «способа изучать замену значения слов, вытекающую из замены одного звука другим» ³¹.

Итак, уже звуковая форма слова оказывается источником разнообразных смысловых оттенков.

Еще сложнее и разнообразнее те воплощенные в звуковой комплекс слова элементы мысли или мышления, которые прикрываются общим именем «значения».

Общезвестно, что прежде всего слово исполняет номинативную, или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого

обозначения, и тогда оно — простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин.

Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения, слова, в сущности, еще лишены соотносительных языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически. С точки зрения вещественных отношений связь между *стол* и *столовая*, между *гость*, *гостинец* и *угостить*, между *дуб* и *дубина*, между *жила* в прямом номинативном значении и глаголами *засилить*, *усилить* и т. д. оказывается немотивированной и случайной.

Значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью (*gegenständliche Beziehung*)³².

В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры. Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков. Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп.

Необходимость считаться, при изучении истории слов, с историей обозначаемых ими вещей общепризнана³³.

Как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической. «Там, где есть общность культуры и техники, слово указывает на один и тот же предмет; там, где она нарушается, дробится и значение слова»³⁴.

Функциональные и социально-бытовые связи вещей отражаются на исторической судьбе названий.

«Имя свидетельствует, что общественный разум уже пытался назначить этому предмету определенное место в единстве более общего целого», — сказал Лотце.

Однако легко заметить, что далеко не все типы слов выполняют номинативную или дефинитивную функцию. Ее лишены все служебные слова, в смысловой структуре которых преобладают чисто грамматические значения и отношения. Номинативная функция чужда также междометиям и так называемым «вводным» словам. Кроме того, местоименные слова, хотя и могут быть названиями, но чаще всего являются эквивалентами названий. Таким образом, уже при анализе вещественных отношений слова резко выступают различия между разными структурно-семантическими типами слов.

Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи.

В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например, *живые мощи*, *полюбак* — в применении к человеку, *баба* — по отношению к мужчине, *шляпа* — в переносном значении и т. п.).

В этом плане слово выступает как система форм и значений, соотносительная с другими смысловыми единицами языка.

Слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений, часто называется лексемой³⁵.

Вне зависимости от его данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым, оно обычно не распадается на отдельные слова-омонимы. Семантической границей слова является омоним. Слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом.

Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегими новых значений и смыслов. Когда затронут один член цепи, откликается и звучит целое. Возникающее понятие оказывается созвучным со всем тем, что связано с отдельными членами цепи до крайних пределов этой связи.

Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом или отдельных его стилей. Изучение изменений в принципах сочетания словесных значений в «пучки» не может привести к широким обобщениям, к открытию семантических законов — вне связи с общей проблемой истории общественных мировоззрений, с проблемой языка и мышления. При иной точке зрения, «само значение слова продолжало бы оставаться темным и непонятым без восприятия его самого в общем комплексе всего миропонимания изучаемой эпохи»³⁶.

Русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи понятий, их группировки, их расслоения и их объединения в «пучки», в комплексные

единства. Объем и содержание обозначаемых словами понятий, их классификация и дифференциация, постепенно проявляясь и оформляясь, существенно и многократно видоизменяются по мере развития языка. Они различны на разных этапах его истории.

Характерной особенностью русского языка является тенденция к группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений.

Слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка.

Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей. Поэтому самый характер объединения лексических и грамматических значений в строе разных типов слов неоднороден. Например, в формальных, связочных словах (как предлоги и союзы) грамматические значения составляют сущность их лексической природы. Структура разных категорий слов отражает разные виды отношений между грамматикой и лексикой данного языка.

В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку не приложимо. В. Гумбольдт писал: «Грамматические отношения могут быть присоединены мысленно (*hinzugedacht*), если даже они не всегда имеют в языке знаки, и строй языка может быть такого рода, что неясность и недоразумения избегаются при этом, по крайней мере до известной степени. Поскольку, однако, грамматические отношения имеют определенное выражение, в употреблении такого языка существует грамматика собственно без грамматических форм»³⁷. Тому же учил Потебня. Итак, понятие о слове как о системе реальных значений неразрывно связано с понятием грамматических форм и значений слова.

Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями. Эту тесную связь, это глубокое взаимодействие лексических и грамматических форм и значений подчеркивали в последнее время все крупнейшие лингвисты, особенно настойчиво Шухардт³⁸, Н. Я. Марр³⁹, Л. В. Щерба (см. его предсмертную статью «Очередные проблемы языковедения», Известия АН СССР. Отд. литературы и языка, т. IV, вып. V, 1945) и А. И. Белич («О языковой природе и языком развитии», Београд 1941).